

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. С. К. Севастьянова
г. Новосибирск, Россия

ТЕМА «ЧЕЛОВЕК И БОЛЕЗНЬ» В СБОРНИКЕ «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО»

Аннотация: Тематическая и сюжетно-мотивная составляющая западноевропейского сборника «Великое Зерцало», переведенного с польского языка на русский в конце XVII в., изучена недостаточно. Тема «человек и болезнь», можно сказать, сквозная в сборнике. Анализ содержания «Зерцала» показал, что персональный грех в соответствии с христианской этиологией является основной причиной недуга. Отсюда — неоднозначное восприятие окружающими болеющего человека и состояния нездоровья. Больной одновременно выбивается из круга здоровых людей и нуждается в уходе и терпимом к себе отношении. Понятие «врач» в русском «Зерцале» собирательное и означает человека, оказывающего безвозмездную помощь нуждающимся. В сборник вошли сюжеты и о профессиональной медицинской помощи. Тема «человек и болезнь» раскрыта в «Зерцале» как составная часть повседневной жизни средневекового общества в социальном, мировоззренческом и культурном измерениях. Поэтому в конце XVII в. в период становления отечественной медицинской культуры, трансформирования, упорядочения и развития медицинских знаний, складывания государственной системы медицины эта проблематика стала особенно актуальной. Рассказы на медицинскую тему привлекли переводчиков «Зерцала» описаниями состояния болеющего человека, способами ухода за ослабленным недугом, перечнем болезней и травм, методами лечения и диагностики. Медицинское направление русского «Зерцала», «украшенное» анатомическими мотивами, очевидно, привлекло читателя и в познавательно-развлекательном, и в культурно-историческом аспекте, о чем свидетельствует богатейшая рукописная традиция сборника и огромное количество его списков.

Ключевые слова: сборник «Великое Зерцало», тема «человек и болезнь», человек болеющий, человек лечащий, болезни и травмы, методы средневековой диагностики и лечения, развитие медицины

Информация об авторе: Светлана Климентьевна Севастьянова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии СО Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия; главный научный сотрудник, Рубцовский индустриальный институт Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, ул. Тракторная, д. 2/6, 658207 г. Рубцовск, Россия. E-mail: sevask@mail.ru

Дата поступления статьи: 19.02.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Севастьянова С. К. Тема «человек и болезнь» в сборнике «Великое Зерцало» // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 119–135.

Сборник религиозно-назидательных рассказов «Великое Зерцало» дважды переведен в России с польских изданий в конце XVII в. Темы о человеке и его бытии значительно обогатили русскую культуру. Одна из них — «человек и болезнь». Будучи составной частью повседневной жизни средневекового общества в социальном, мировоззренческом и культурном измерениях, эта проблематика неразрывно связана с историей медицины — наукой, актуализировавшейся сегодня в ее эпистемологической составляющей, способствующей реконструкции и осмыслению этапов развития медицинского знания, методов его получения, способов накопления и принципов применения.

Феномен недуга в современной историографии изучается как проблема медицинская, естественная и социальная [30, с. 5–21]. В развитие третьего направления вклад вносят гуманитарии, в чьих работах междисциплинарного и историко-антропологического характера болезнь трактуется как неотъемлемая часть культурной традиции (Ю. Е. Арнаутова, А. С. и С. Н. Малаховы, А. Н. Медведь, В. В. Мильков, М. П. Одесский и др.). Русский сборник «Великое Зерцало», имеющий через польское посредство в качестве прототипов средневековые латинские книги «примеров», представляет интерес как историко-антропологический нарратив по истории развития медицинского знания с эпохи Возрождения¹ [11, с. 1–35]. К началу XVII в., когда появились первые польские издания памятника, положенные в основу переводов на русский язык, сборник наполнился материалом апокрифическо-легендарной, житийной и светской литературы западноевропейского и восточно-византийского происхождения [15, с. 32–33, 44, 47]. В компиляцию вошли и рассказы о болезнях, их причинах и видах, способах лечения и даже диагностирования. Комплексный подход к изучению и реконструкции отдельных аспектов взаимоотношений средневекового человека и болезни в русском сборнике «Великое Зерцало» определил цель и гипотезу работы, структуру статьи.

Цель. Охарактеризовать отношение средневекового человека к болезни, анализируя содержание новелл в русском сборнике «Великое Зерцало».

Гипотеза. Рассказы на медицинскую тему привлекали читателя анатомическими мотивами, описаниями состояния болеющего человека, способов ухода за ним и соответствовали медико-познавательному интересу русского читателя и культурно-исторической ситуации в России в конце XVII в.

Структура статьи. В двух первых частях сосредоточено внимание на образах больного и врача, охарактеризовано отношение «человека болеющего» и «человека лечащего» к недугу; в третьем разделе классифицированы болезни и травмы, охарактеризованы представленные в сборнике способы диагностики.

Человек болеющий

Болезнь в русском переводе «Зерцала» трактуется в русле христианской этиологии как наказание Богом за грех — это наиболее частое ее объяснение в средневековой культуре, а внешние проявления заболевания находятся в прямой зависимости от духовной организации человека [35]. Замечания о видимых проявлениях недуга подчеркивают восприятие болезни как состояния, отражающегося на внешности человека,

¹ Текст «Великого Зерцала» цит. по ркп. ГИМ ОР, Синодальное собр. № 101, в которой объединены оба перевода. Ссылки на главы сборника и листы ркп. — в круглых скобках. Благодарю Е. Э. Худницкую, предоставившую нам для работы набранный ею текст Синодального списка, в настоящее время готовящийся к публикации группой исследователей из Института филологии СО РАН (Новосибирск).

меняющейся порой до неузнаваемости. Тело кузнеца «уже от многия болезни изше, яко кожи токмо единой едва остатися» (гл. 272); у женщины «язвы по лицу разсыпашася, очеса углубишася, уста искриви//шася, нос згорбися и искривися и конечно чюждее ея лице на ней показася» (гл. 246). Фиксация внешней симптоматики недуга подчеркивает восприятие социумом больного как человека, выпадающего из круга здоровых людей. Блудник и «хулник», заболевший «свирепую язвою», вопит «нечеловеческим гласом», «вывернувши очи» (гл. 105); у другого хулителя «даже очи его проклятыя излезоса на чело, лице его надымашеся, язык далече от уст протязаше <...> к тому во скверныя уста его не вниде» (гл. 104).

Непривлекательная наружность больного, зримые следы недуга, отсутствие частей тела или их изменившийся вид — все это служило знаком греха, слабости веры больного. Два хулителя на Христа и апостола Петра свои отметины, похожие на язвы от проказы, носили на лице и теле до смерти (гл. 100); игрока в карты ангел ударил по лицу, «яко чрез многи дни име лице опухло» (гл. 52); юноша, в день Св. Воскресения игравший в шахматы, избит невидимой рукой «по главе и по плещема и по хребту, и тяжки зело задающе раны» (гл. 727); два «сквернаго жития» епископа своей искажившейся наружностью пугали паству: у одного «уста его даже до носа согнушася и язык весь тако же, и брада вся тако», у другого «руце, на олтари протяжени, адским нарицающимся огнем даже до лакот згореша» (гл. 496). Девица, просившая у св. Фомы о красивых глазах для бóльшей привлекательности, наказана слепотой (гл. 513), как и некий Феотим, который ослеп, но не отказался от плотских утех (л. 762). Внешность прокаженных описана с элементами натурализма: их тела «более являшеся смрад и гноение, а нежели живое тело» (гл. 15), «на многих местех от гноения тело от костей отпаде» (гл. 249), лицо «острупися» и «огнистыми проказами бысть прокаженно» (гл. 139, 659).

В сборнике гендерно-возрастной статус больного четко очерчен. Болеют в основном мужчины (120 примеров, женщины — 15). Молодежь еще реже подвержена недугу (отроки — 7, юноши — 4), а вот люди преклонного возраста с больными не ассоциируются: старость — особое состояние, относящееся к «обычному ходу вещей, который нельзя изменить» [4, с. 153]. Подавляющее большинство болеющих мужчин — представители духовенства: монахи (42), епископы (7), иереи и пресвитеры (по 2), клирик. Круг светских больных включает представителей власти — царей (4), князей (3), градоначальника, господина и вельможу, воинов (6); болезнь уравнивает людей с разным уровнем дохода — богатых (6) и десятков нищих и странников; среди недужных представители трех профессий — кузнец (2), доктор (!) и пастух. Часто социальный статус больного не определен — это «един(-а)», «некий(-ая)», «слепой», «бесноватый(-ая)», «человек благ» и т. д. (22). Среди болеющих женщин красавицы (3), «девицы» благочестивые (3) и женщина «гневливая», дамы замужние и инокини (по 2), «святая жена». Персональный грех провозглашается главной причиной болезни, поэтому самые высокие строчки в рейтинговом списке больных занимают грешники — разбойники и грабители, еретики и богохульники, клеветники и блудники, обжоры и пьяницы, азартные игроки и убийцы, люди слабой веры и поругатели святынь.

Недуг воспринимается больными в «Зерцале» по-разному. Одни молят Бога дать им особенно тяжелые заболевания. Женщина, заболев проказой, радовалась, что больше не сможет соблазнять мужчин (гл. 139). Прокаженный веселился и пел от радости, наблюдая, «яко разсыпашася и устаея плоть» (гл. 142). Другие больные причиняли себе еще бóльшую боль. Вспоминая о грехах, грешник изнурял плоть пытками, приводя себя в особое состояние: «по всему телу мучение на ся полагаше тако, яко голени и колени,

кости ног претираше о древо. И тако на долзе даже кожу, тело и жилы насильствием влечаше. И воду хладную зимою, яко ради пития тайно взимаше, на груди своя возливаше да от леднаго хлада мучится. Вскоре же по сем умираючи сицевым духом исполнен бысть, ибо яко Христос Господь из мытарей евангелиста избра, такожде и сего пророка сотвори» (гл. 582). Подобные сюжеты раскрывали особенности западно-христианской экзегезы боли, понимаемой латинской церковью как вид аскезы, проявляющийся в духовной практике внешними эффектами. Истязали себя западноевропейские флагелланты (XIII в.), и русские последователи хлыстов (рубеж XVII–XVIII вв.), и древние аскеты, но в их традиции самобичевание имеет другую природу. Осознавая свое несовершенство (например, прп. Нифонт, еп. Кипрский, и свт. Иринарх Ростовский) избивали собственные тела палками, чтобы смирить себя и избавиться от обуревавших их страстей.

Есть в сборнике новеллы, герои которых, потеряв надежду на выздоровление, становились преступниками. Черноризец, «яко конь бояшеся стени», отверг монашеские ризы и стал промышлять грабежами (гл. 84). «Безбожник» отказался от покаяния и терпел невидимое избиение: «слышаны быша гласи биения и гром по тылу его, такоже синеты и язвы на теле его» (гл. 533). Женщина на смертном одре «уста своя затвори и лице к стене обрати» (гл. 479). «Господин преизрядный по мирскому» стал лихоимцем, «яко отомстити болезнь телесную» (гл. 139). Но такое поведение больного в сборнике скорее исключение. Размышления о недуге приводят героев новелл к восприятию болезни как «врачества за грехи своя» (гл. 659).

Еще одно восприятие болезни как испытания, укрепляющего дух. Св. Пахомий на вопрос монаха Феодора «яко болезнь кому или что иного без поущения Божия бывает?» ответил поучением о прав. Иове (гл. 134). Инока из другой новеллы сам Иов наставлял, «яко же в толиких болезнях быв терпелив тако и ты» (гл. 77). Образ прав. Иова, ставшего с библейских времен эталоном терпения в испытаниях, посылаемых Богом, является в средневековой культуре дидактическим образцом для не стойких в напастях.

В русском «Зерцале» немало примеров о благом терпении в болезни. Больному, жаждущему смерти, ангел предложил выбор: умереть быстро после мытарств или прожить год в «обычной» болезни. Несчастный предпочел мытарства, но душа не вынесла испытаний, и человек согласился «в тяжчайших болезнях терпети» (гл. 129). Инок Алквирин «весь предадеся Господеви, понеже Той есть о всех нас имеет попечение» (гл. 127). Монах Палемон терпел месяц тяжелейшего недуга, желая в страданиях приблизиться к мученикам Христа ради (гл. 132). Подобные сюжеты есть и в памятниках древнерусской письменности. Наряду с этикетными выражениями предсмертных мук исторических деятелей, книжники фиксировали страдания больного, превознося подвиг смирения. Сливаясь с новеллами «Зерцала», примеры силы духа и веры побуждали читателя подражать «житию и терпению» «святых мужей», «по житию соревнуясь» «со всеми христианами, богоугодно прожившими век» [16, с. 37, 121].

В «Зерцале» есть примеры заботы о нуждающихся в опеке. Два старца молили Бога показать им, «в кую меру добродетелей dospеша», и встретили супружескую пару, раскрывшую им свой секрет добродетельной жизни: «еже что дает нам Господь Бог <...> на три части разделяем. Едину убогим, а другую часть на приятие странных пришелцов, третью же часть на потребности наша обращаем» (гл. 238). Милосердие, проявленное к больным, особо превозносится в сборнике и приравнивается к духовному подвигу, превосходящему пост и покаяние (гл. 125). Иерею, приступившему к причастию после связи с женщиной, игумен советовал три года ухаживать за больными (гл. 167).

Помощь страдающему символически означала служение Христу. Монах Алквирин не только «болезни исцеляваше, но и зело застарелыя язвы и гнусныя пестунствоваше и касашеся сих, яко самых Христовых» (гл. 127). Св. Галикан «ноги нищим умываше, трапезу поставляет, воды на руке подает, болящим со усердием прилежит и прочая, сему подобная, творит» (гл. 122).

В описаниях знакового поведения ухаживающих за больными порой обнаруживаются детали, придающие той или иной ситуации живой, эмоционально-личностный характер. Св. Макарий, несмотря на 90-летний возраст, совершил поход в Александрию за кусочком свежего пшеничного хлеба для больного монаха (гл. 121). Евлогий служил прокаженному, «не имеющего ниже рук, ниже ног, точию язык имеющего свободен», и 15 лет терпел его капризы и оскорбления (гл. 124). Такие образцы человеколюбия и самопожертвования напоминают духовные подвиги киево-печерских старцев и прежде прп. Феодосия, который терпеливо ухаживал за Исакием Пещерником в своей келье [5, т. 4, с. 388].

Особое отношение демонстрировало средневековое общество к прокаженным. В «Зерцале» проказа служит индикатором чистоты души здорового человека и показателем крепости духа недужного. Инок, борясь с искушением оставить истекающего гноем старца, пил «омытие» (гл. 126). Папа Леонт никогда не закрывал двери перед нищими и больными (гл. 333). Иерей в «комаре» своего дома ухаживал за прокаженным, за что получил похвалу свт. Василия Великого, назвавшего его поступок «благим пребыванием» с «сокровищем» (гл. 249). Женщина уложила прокаженного в постель, и супружеское ложе заблагоухало цветами (гл. 339). В сборнике есть и другие примеры женской благотворительности. Плация, жена царя Феодосия, «болницы посещаше, своима рукама болным служаше, горшки и прочия их сосуды сама измываше, варени их сама искушаше, ложки подаваше, хлеб резаше, брашна приносяше, чашицы пития даяше // и прочия послужения им творяше» (гл. 128). Сюжеты о женском сострадании напоминают не только о благотворительницах западноевропейского средневековья (например, свв. католической церкви Елизавете Тюрингской, Венгерской и Изабелле Португальской), но и святых девах и женах Древней Руси, посвятивших значительную часть своей жизни служению нуждающимся — вел. кнж. Анне († XI в.), прпп. Евфросинии Полоцкой († 1173), Евфросинии Суздальской († 1250) и Харитине Новгородской († XIII в.), правв. Гликерии Новгородской и Иулиании Ольшанской († XVI в.) [25].

Но встречаются примеры нетерпимого, даже брезгливого отношения к прокаженным. Священник сделал в стене оконце для общения с больными: «половиною тела своего бысть прокажен. Есть сия, яже отвращашеся от них, прокаженных» (гл. 141). «Прокаженнии между собою» прогнали себе подобного, «страшно болящаго и смердящаго», поскольку «терпети не можаху» исходящего от него запаха (гл. 140). Больной, «нетерпелив, зол и непослушлив», жаловался игумену: «не токмо мя болезнь мучит, но и братия, их же ми приставил еси надзирати мя, поругают ми ся зело» (гл. 131). Очевидно, что в западном обществе терпимое отношение к прокаженному уживалось с открытой неприязнью даже в сообществе ему подобных. Сюжеты о больных проказой служили, как можно думать, дидактическими примерами, воспитывающими в социуме терпимость к ним.

В ряде новелл отразилась существовавшая на средневековом Западе практика пострижения больных для избавления от недуга. Молодой человек, дав обет постричься, ослабел верой, женился, «преклонися ко плотскому желанию» — тут его и стали таскать «свирепии и гнуснии ефиопи», но он «прият монашеский образ» и выздоровел

(гл. 480). Практика пострижения больных известна и в России в XVI–XVII вв., однако в это время наблюдается тенденция пострига с целью бегства от больных супругов и родственников, о чем пишет А. Н. Медведь, ссылаясь на записи иностранцев [27, с. 143–145]. В новеллах «Зерцала» переезд больного в монастырь инициируют жены и родители, но эти поступки служат доказательством заботы о здоровье члена семьи и сохранении семейных уз.

Особое место в рассказах об отношении к больному в семье отводится случаям с титулованными особами. Князь Либзой не отказался от больной жены: «И никогда же ей трапезы своя, ниже одра своего возбрани и возлежания с собою, понеже любовь супружеская страх уязвления и гнушательное зрение, и неблагоприятный смрад в бестрашии и во утешение премени, ибо, по словеси Господню, // единым телом с собою быти» (гл. 15). Жена британского царя Роберта высосала из раны мужа яд, «плеваше на землю», «и язву врачом ко скорому исцелению подаде» (гл. 14). Сюжетов об отказе от больных членов семей в русском «Зерцале» нет; напротив, сборник учит хранить супружескую верность и любовь, несмотря на немощ супруга.

Таким образом, персональный грех провозглашается в сборнике основной причиной недуга. Хотя восприятие болеющего человека неоднозначно. С одной стороны, он выбивается из круга здоровых людей, что подчеркивается видимой и слышимой симптоматикой недуга. С другой — он нуждается в терпимом к себе отношении, особенно членов семьи и родственников. Нездоровье самим болеющим воспринимается в трех направлениях: с раздражением и отвращением; с радостью, переходящей порой в экстатическое переживание; и как благое терпение. К самым интересным сюжетам о больном относятся такие, где поведение больного «выбивается» из канона и агиографического стереотипа. Сквозь дидактику проступают человеческие эмоции, личностная оценка ситуаций и явлений окружающего мира.

Человек врачующий

По наблюдению А. С. и С. Н. Малаховых, в XVII в. в древнерусском обществе понятия, связанные с обозначением персон, обладавших лечебной техникой, семантически различались [24, с. 222]. Действия, влияющие на изменение физического состояния человека, в «Зерцале» выполняют *волхв* (1 раз), *врач* (более 30), *лекарь* (1), *чародей* (5).

Понятие *врач* в контексте сборника неоднозначно и обобщило представления древнерусского человека о врачевателе. До XVII в. лекарем именовался специалист, обладавший терапевтической и хирургической практикой, а позже — лицо, имевшее ученую степень и изучавшее врачебное искусство профессионально. В подавляющем большинстве новелл слово «врач» употреблено в значениях, используемых в лексиконе русского человека XI–XVII вв.: тот, кто обладал знаниями о лечении больной «телесности», в том числе священник [36, вып. 3, с. 103; вып. 8, с. 202]. Этимология слова «врач» в обоих значениях опирается на слова Иисуса Христа: «Не требуют здравии врача, но болящих» (Мф. 9: 12; ср.: Мк. 2: 17; Лк. 5: 31), которые приводятся в одной из новелл (гл. 288); в другом рассказе Бог именуется Врачом Небесным (гл. 356), совершающим «невидимое» врачевание. Духовник — «премудрый врач», «открывающий» и исцеляющий «язвы греховные» (гл. 168).

Волхвы, заклинатели и чародеи, которые и на Руси занимались лечением, противопоставлены в «Зерцале» врачу как представители непрофессиональной медицины.

Колдуны именуют христианское учение «чародейством» (гл. 12, 160, 296, 397, 633, 646), но Амвросий, еп. Медиоланский учит, «яко чародейство ничтоже не может святым вредити» (гл. 250, 251). Указанная антитеза во второй половине XVII в. в России была понятна, поскольку медицинская культура еще носила бинарный характер [13, с. 20–21]. Несмотря на объявление врачебной практики знахарей и колдунов незаконной, их услуги были востребованы. Возрастанию значения профессиональной медицины способствовали переводы на русский язык во второй половине XVII в. трудов выдающихся европейских медиков (А. Везалия, И. Ремелина, Г. Бидлоо, Л. А. Блюментроста [9, с. 10–17; 6, с. 375–480; 7, с. 98; 19, с. 135–182; 21, с. 87; 31, с. 101]), которые постепенно становились настольными книгами российских лекарей. Несмотря на плотное знакомство отечественной медицины с европейским опытом [37, с. 323–324], в России продолжала жить народная медицина. Травники и лечебники служили источниками книг по медицине, авторами которых, по словам Л. Ф. Змеева, становились «люди всяких чинов» [17, с. 119], в том числе и представители высшего духовенства, оставившие потомкам собственный опыт (Афанасий, архиеп. Холмогорский, патриарх Никон).

В «Зерцале» последовательно проводится мысль о том, что успешное лечение телесных болезней возможно лишь при условии искреннего освобождения от греха: «Господине, — поучает больного лекарь, — аще вериши, иже силою врачевства и художеством врача может живот твой направитися, чесо ради веровати не хоцещи, яко велие есть и дивное лекарство душам — покаяние, злых ошаяние и воздержание» (гл. 746). Врач часто советовал больному обратиться к священнику за «врачеванием духовным» (гл. 114, 264, 587), что в определенной степени отражало законодательно закрепленную установку западноевропейского средневекового общества лечить больных только после исповеди и причастия [3, с. 185–186]. Судя по исповедным текстам русского средневековья, у нас ситуация была аналогичной: иерею, приступавшему к исповеди в качестве исповедующегося, вменялось признаваться, способствовал ли он тому, чтобы больной обращался к доктору во вторую очередь, после духовника [20, с. 498].

Приведем примеры с иным наполнением понятия *врач*. Врачом поименован христианин Ливерат (гл. 13), возможно, один из африканских мучеников. Врачом назван человек, стригущий волосы: именно к нему в образе нищего странника пришел Христос (гл. 112). В средневековье распространенным типом лекаря был цирюльник — практикующий врач [14, с. 62]. Эпитеты, употребляемые с лексемой «врач», характеризуют его профессиональные качества («изрядный», «искусный», «премудрый» и «благоразсудный») и нравственный облик (гл. 13, 168, 434, 548). Среди лекарей «добродетелна житием» встречались и жулики: один, к примеру, украл у соседа свинью (гл. 112), другой вместо лекарств продавал дождевую воду (гл. 667). Незаконная торговля фальсификатами процветала и в русской медицинской культуре рубежа XVII–XVIII вв., о чем свидетельствуют постановления и указы Петра I, направленные на упорядочение медицинского и лекарственного дела в стране и армии, на борьбу с торговлей «нелекарственным питьем» и «непотребным зельем» [18].

К практикующим врачам, судя по новеллам, обращались, когда речь шла о физическом состоянии человека, в том числе близком к смерти. Св. Августин, готовясь к смерти, позволил входить в келью врачу и разносчику пищи (гл. 571). Господин приводил врачей к слуге, чтобы облегчить его предсмертные страдания (гл. 699). Врача приглашали для констатации смерти. Взойдя на Масличную гору, воин внезапно скончался: «Друзи же <...> приведоша врача, да видит, от чесога ему сия смерть случися» (гл. 642).

По характеру служения, которое купец Апполоний нес в старости, доставляя монахам «потребная и полезная» и «рукоделие всяких потреб», он назван врачом (гл. 123). Аналогичное послушание было и у инока Алквирина, и монаха Иуста, в «болезнях зело прилежно служаше» (гл. 494). Функция таких «врачей» заключалась в уходе за больными, в молитвенном утешении и духовной поддержке. Подобного рода попечительство над ослабленными недугами иноками осуществляли киево-печерские больничники, в обязанности которых входили хозяйственные заботы по организации ухода за больными и исполнение их просьб [28, с. 18–19]. Очевидно, эти «врачи» занимались схожей деятельностью, не связанной ни с организацией лечения больных, ни с терапевтической практикой.

Особенности «монастырской медицины» в сборнике не раскрываются. Нам встретилось несколько упоминаний о больницах в обителях, где лечились в основном бывшие насельники (гл. 77, 84, 311, 459, 581, 649 и др.). Судя по содержанию новелл, при монастырях организовывались приюты для прокаженных, где иноки несли особое послушание, ухаживая за ними: «Узакони един от монах, да ради любви Христовы в его монастыри, да идеже будут прокаженнии, братия да служат им. Братия же яко послушнии сынове послушанием сие творяху» (гл. 131). В одной из новелл сообщается об изолировании больной проказой: «Но врачеве поведают, яко проказа неизцелна есть и прочаго совета не бысть, токмо ю отлучити от людей повелеваху, да не прочих повредит» (гл. 243). Что касается ситуации в Древней Руси, то исследователи утверждают: никаких специальных учреждений для прокаженных ни в русских княжествах, ни в русском государстве не существовало — часть их проживала в семьях, а максимальной степенью изоляции такого больного была передача его в монастырь [27, с. 147–148].

Упомянуты в сборнике и какие-то городские лечебницы, куда щедрые патроны делали значительные пожертвования (гл. 123, 128, 167, 356, 524); к подобным заведениям можно отнести и так называемые «нищепитательницы» и «странноприимницы» (гл. 785) из второго перевода. Городские и светские «лечебные» заведения из новелл «Зерцала» напоминали приюты, создаваемые в России в XVII в., например, Ф. М. Ртищевым и А. Л. Ординым-Нащокиным, где, как показал на псковском источниковом материале А. Б. Постников, содержались нищие и бездомные, бобыли и старцы — в основном те, кто в силу возраста и физического состояния не мог вести полноценную жизнь [33, с. 78–127]. Развитие светской медицинской культуры в России особым образом проявилось в деятельности русских царей, принимавших под личную защиту слабых и гонимых. Но по указу Федора Алексеевича 1682 г. на государственное содержание стали брать только больных и калек, остальные должны были работать — именно так, считает Е. Ш. Гуляева, закладывалась государственная система медицины, получившая при Петре I завершение в организации первого государственного госпиталя [14, с. 23].

Таким образом, в русском «Зерцале» понятие «врач» было собирательным и означало человека, оказывающего безвозмездную помощь нуждающимся. В сборник вошли сюжеты не только о молитвенной поддержке и уходе, но и об оказании больному профессиональной помощи, что свидетельствовало о существовании на средневековом Западе в период формирования латинских книг *exempla* рациональной медицины. Подобная тематика, несомненно, была интересна русскому читателю конца XVII в., когда отечественная медицинская культура нуждалась в упорядочении и системе, закреплённой законодательно, в развитии государственной светской медицины и в наличии учреждений, готовящих профессиональных медиков из числа русских людей. Повествования

о человеке врачующем звучали актуально в период войн России с Польшей и Швецией, когда особенно выросло значение «классической» медицины, актуализировалась необходимость ухода за больными и организации лечения. Открытие в Смоленске первого временного военного госпиталя (1656), первой в России Лекарской школы (1654) и начало в 1682 г. строительства двух «шпитален» (гражданских госпиталей) в Знаменском монастыре, где предполагалось лечить и обучать лекарскому делу [22; 29, с. 34–35; 38, с. 280], — все свидетельствовало о выходе отечественной медицины на более высокий уровень развития и о появлении в России нового поколения врачей — отечественных профессионалов европейского уровня.

Болезнь: виды, диагностика, лечение

Упомянутые в русском «Зерцале» болезни и травмы отличаются разнообразием. Приведем их перечень с указанием количества упоминаний. Беснование («духом лукавым» мучение) — 31, проказа — 19, слепота — 12, объединение (в том числе поперхнуться) и отрезание одного органа — по 5, «огневица» (лихорадка?) и самоубийство — по 4, болезни ног и сердца — по 3, болезнь головы и безумие, раны (в том числе гнойные) и порезы, укусы живых существ и «болезнь черная» (эпилепсия?) — по 2, выпадение глаза, «желтая немощь» (желтуха), лунатизм, немота, «ничашие долу» (горбатые?), отравление, паралич, потеря голоса — по 1.

Описания симптоматики редки в сборнике, а потому интересны. В новелле о нищем, поранившем ногу о камень, описаны последствия заражения инфекцией: «От очию же его безпрестанно вода течаше тако, яко ничто же можаше видети... И тако все лице его обтече, очи и нос покры тако, яко страшно нань зрети. По четырех же днех опухоль оная начат умалятися, но лице все огнистыми проказами бысть прокаженно. Посем болезнь начат в них низходити от стомаха даже до перьстов ножных. И тако страшная болезнь объят его, яко даже в клуб стисну или совлече его, еже прочия уды и не слыша, обмертвеша бо, и никогда же сам можаше двинутися от постели своея, но всегда лицом и чревом // к постели своей лежаше, и чревом о конце, иже бысть близ смерти, милости прошаше» (гл. 659).

В другой новелле зафиксировано проявление «огневицы»: «воин зело болезноваше огневицею <...> глаголаше ему игумен, да обещается быти монах... и абие лице его начат пременяться, и бледость пременяся в белость, синета же в красоту» (гл. 130). Следствием недуга явилось помешательство агарянина, несколько дней бегавшего голышом: «одержим болезнию огненною зело тяжко, яко даже ума изступи. Егда же вси уснуша <...> той агарянин отбежа наг. И тако три дни и три ноци скитаяся в пустыни» (гл. 183).

Отмечаются и бытовые травмы. Один больной во время приступа чуть не лишился глаза: «Тогда убо на ланиту его исплывше око, на тонкой жиле висящи... Тогда око испадшее и висящее на место свое положи, и обвяза, и даже по седми днех хотяше развязати» (гл. 593). Монах Закхей за рукоделием ранил руки, а другой инок советовал мазать раны елеем (гл. 133).

Судя по перечню болезней, из всех соматических болезней, известных в России по многочисленным лечебникам, особое место отведено проказе (лепре) — опасному и тяжелому инфекционному заболеванию средневековья [1, pp. 273–275]. В древнерусских нарративах, как известно, о проказе говорится редко. Интерес русских переводчиков к повествованиям о лепре можно объяснить интересом к заболеванию, не по-

лучившему в России широкого распространения до XVI в., когда в Западной Европе эпидемия была практически побеждена [8, с. 255–279], а потому не имевшему детальных описаний течения, методов диагностики и лечения.

В сборнике способы лечения и диагностики не отличаются многообразием. Нам встретилось одно упоминание о лечебной процедуре — «кровипущении», которое способствует «лучше ко здравью возвращашеся» (гл. 130). Отношение русских к ней в основном было отрицательным, хотя услугами кровопусков пользовались в XVII в. и первые Романовы, и стольники, и даже духовенство [27, с. 206, 208]. Сюжет о кровопускании в «Зерцале» соответствовал востребованности процедуры в XVII в. в России.

Что касается диагностики — то и здесь названы два популярных в Средневековье способа определения болезни — по пульсу и по урине. Максимиан Ракушенин, римский кесарь, когда болел, желал, «дабы доктури урину его видели» (гл. 816). Диагностикой по пульсу славился еврей Иосиф, который предсказал свт. Василию Великому скорую смерть (гл. 739). Оба способа диагностики заимствованы европейцами из античных или переосмысленных арабами античных источников. Методика определения состояния здоровья человека по характеру пульса и особенностям выделяемой организмом жидкости была обстоятельно изложена персидским врачом Ибн Синоу. «Канон врачебной науки», неоднократно издаваемый на латинском языке, вплоть до Нового времени служил источником медицинских знаний в странах Европы; апеллировали к нему и древнерусские травники и лечебники.

Особое место в сборнике занимают новеллы об интересе к внутреннему устройству человека. В рассказе о «некоем лакомом» мотив извлечения сердечной мышцы из тела умершего связан с идеей анатомического вскрытия трупа человека для диагностики: «повелеша утробу его прорезав, сердца осмотреть, кое прилучение напрасной его смерти» (гл. 695). Из другой новеллы известно, как через отверстие в трупе присутствующие разглядывали внутренние органы: «видеша зело велию язву, чрез нея сердце, утроба и вся составы видени быша» (гл. 103). Наконец, читатель знакомился с практикой излечения умирающего путем вскрытия плоти и «обработки» больных органов: «отверзе яко мечем оное место и иземши утробу, показа ми вреды и язвы. // Очистивши же их рукою своею и, паки во свое место положивши, затвори» (гл. 42).

Интерес к анатомии человека соответствовал традиции переводных с латинского или польского языка сочинений медико-биологического и анатомического содержания, вошедших в древнерусскую книжность и знакомивших с европейским опытом о «внешней» природе человека. Как известно, на средневековом Западе с XIII в. официально практиковались анатомические секции. Процедура препарирования, сопровождаемая музыкой, выпивкой и легкими закусками, собирала огромное число зрителей, ожидавших поочередную демонстрацию изъятых из тела частей. «Лицезрение внутренностей тела человека являлось потрясением, было сопряжено с драматической рефлексией о жизни и смерти, и долго не могло стать нормой медицинской науки» [34]. Отголоском подобной рефлексии от созерцания изъятых органов может служить упоминание о массовом эмоциональном потрясении в ранее приведенном примере: «зело смутишася и ужасошася прочии блядословцы и хулници, ибо отовсюду снидошася людие на оное чудо» (гл. 103).

Развитие научной медицины в России в конце XVII в. и появление первого анатомического театра в 1705 г. связано с личным интересом Петра I к науке, медицинским знаниям и анатомии [6, с. 396, 399]. По возвращении в Россию из первого заграничного путешествия, где царь познакомился с анатомом Ф. Рюишем (1638–1731) и побывал

в анатомическом театре доктора Г. Боэргава (1668–1738), в 1699 г. Петр I организовал в Москве курс лекций по анатомии с демонстрациями на трупах, чем сильно напугал присутствовавших там бояр [21, с. 75–78]. Вскрытие человеческого трупа в учебных или медицинских целях да еще и по указу царя — уникальное явление для русской культуры, где вопрос об анатомических вскрытиях даже не обсуждался. Известны запрет царя Бориса Годунова анатомировать тело датского герцога Иоганна фон Шлезвиг-Гольштейна перед его бальзамированием и отправкой на родину [26, с. 225] и заявление царя Алексея Михайловича, узнавшего о процедурах вскрытия трупов в Европе, не допустить «подобных вещей» в России [27, с. 209]. Наличие в сборнике сюжетов на анатомическую тему доказывало высокий интерес к ней в России в конце XVII в.

Приведем еще один пример. К лжесвидетелю в видении явился святой и откусил нос, «безъ образна сотвори его». Лжец заказал себе золотой протез. Но святой потребовал убрать его и публично признаться в обмане. Обманщик «уцеломудрися» и «во знамя же тоя правды нос оный златый долго у себе соблюдаша» (гл. 616). Описанный случай — замена металлическим протезом носа — явление ординарное для средневековой Европы, где долгое время пользовались древними индийскими способами лицевого протезирования. В XVI в. лицевые протезы были усовершенствованы французским хирургом Амбрузом Паре (1510–1590) [4] — предшественником современной ринопластики, развитие которой в Европе связывают с именем основателя эстетической хирургии итальянца Гаспара Тальякоцци (1546–1599), который не только придумал новый способ «приращивать» нос, сформированный из кожи предплечья пациента, но и подробно описал метод реконструкции.

В средневековой Руси проводились хирургические операции и работы по протезированию (в основном утраченных конечностей) — такие факты (довольно редкие) зафиксированы в русских летописях: князю Святославу Ярославичу резали желвак; страдающему от «сухотной болезни» великому князю Василию II Васильевичу Темному делали прижигание на спине — «попален» «трут»; Дмитрию Юрьевичу Красному (Меньшому) остановили кровотечение методом тампонады [5, т. 1, с. 236–237; т. 7, с. 336–337; 326–327]. Свидетельств же о лицевом протезировании в Древней Руси нам не встретилось ни в отечественных нарративах, ни в специальных исследованиях по истории русской медицины, несмотря на то что наши «резалники», как установлено по археологическим находкам XIX в., владели техникой трепанирования еще в XI–XII вв. [2]. Думается, что этот интересный сюжет заинтересовал переводчиков не только его дидактикой, но и доказательством профессиональных возможностей европейской хирургии восстанавливать цельность человеческого тела, устраняя не только физические, но и эстетические его изъяны. Тема носа, пришедшая в мировую культуру из фольклора и устного анекдота, актуализировалась в западноевропейской литературе нового времени (Л. Стерн, Э. Т. А. Гофман, Я. Санглер) и особо реализовалась в «носологии» Н. В. Гоголя и других авторов «Носа» XIX–XX вв. [10].

Подведем итоги. Переведенный в конце XVII в. западноевропейский сборник «Великое Зерцало», благодаря богатейшей тематической, сюжетно-мотивной составляющей, стал одной из самых читаемых книг в России, оказывая до XXI в. влияние на русскую литературу. В первую очередь читателя привлекали темы о человеке и его бытии. Одна из таких — «человек и болезнь» — получила особое значение в конце XVII в., когда началось становление отечественной медицинской культуры, трансформирование, упорядочение и развитие медицинских знаний, начала складываться государственная система медицины. Знакомство отечественных врачей с популярными

в Европе медицинскими книгами и привлечение их в качестве источников для оригинальных сочинений по медицинской проблематике, повышение уровня и расширение медицинской практики, начало подготовки собственных врачей в отечественных медицинских учебных заведениях — все это свидетельствовало о живом интересе к медицине, к организации лечения. Новеллы на медицинскую тему из «Великого Зеркала» — об отношении человека к болезни, об уходе за больным и восприятии болеющего человека, о врачах и способах лечения и диагностики, о вскрытии человеческих трупов — не просто развлекали читателя натуралистическими подробностями, а, говоря словами А. А. Нартова, которыми историк характеризовал задачу устройства Петром I Кунсткамеры — «чтобы иметь в натуральной истории систематическое понятие» [23, с. 31], были наделены одновременно занимательной и просветительной целью. Медицинская тематика, «украшенная» анатомическими мотивами, реализуясь в сюжетах русского «Зеркала» о духовности и телесности, уже три века привлекает читателя в познавательно-развлекательном и культурно-историческом аспекте, о чем свидетельствует богатейшая рукописная традиция сборника и огромное количество его списков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 The Cambridge World History of Human Disease / ed. by Kenneth F. Kiple. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1203 p.
- 2 *Анучин Д. Н.* Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды IX Археологического съезда в Вильне, 1893. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. Т. 1. С. 283–297.
- 3 *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004. 398 с.
- 4 *Балалыкин Д. А., Бергер Е. Е., Бородулин В. И.* Медицина XVI века: Мифы историографии и зарождение науки // Главный врач: Хозяйство и право. 2013. № 5. Ч. II. С. 47–51.
- 5 Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 1. С. 62–315 (Повесть временных лет); 1997. Т. 4. С. 296–489 (Киево-Печерский патерик); 1999. Т. 7. С. 318–347 (Севернорусский летописный свод 1472 года).
- 6 *Бидлоо Н.* Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре. М.: Медицина, 1979. 591 с.
- 7 *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения русской медицины. М.: Медгиз, 1960. 326 с.
- 8 *Бужилова А. П.* Homo sapiens: История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- 9 *Везалий А.* Эпитоме. Извлечение из своих книг о строении человеческого тела / пер. с лат. и примеч. Н. Соколова. М.: Медицина, 1974. 104 с.
- 10 *Виноградов В. В.* Натуралистический гротеск: (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // Поэтика русской литературы: Избр. тр. М.: Наука, 1976. С. 5–44.
- 11 *Владимиров В. П.* «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII века). М.: Изд. Имп. ОИДР, 1884. 276 с.
- 12 *Герасимова И. А., Мильков В. В.* Медицинская тематика в книжности Древней Руси // Психология и Психотехника. 2016. № 2 (89). С. 179–191.
- 13 *Грицкевич В. П.* С факелом Гиппократата: Из истории белорусской медицины. М.: Наука и техника, 1987. 271 с.
- 14 *Гуляева Е. Ш.* Развитие древнерусской медицинской культуры: автореф. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. 26 с.

- 15 *Державина О. А.* «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 437 с.
- 16 Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подг. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова, М. В. Пименовой. М.: Сов. Россия, 1990. 304 с.
- 17 *Змеев Л. Ф.* Русские учебники. Исследование в области нашей древней учебной письменности. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1895. ПДП. Т. СХII. 274 с.
- 18 *Зотова Е. В.* Реформы Петра I в области медицины и фармации // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 11. С. 1145.
- 19 *Исаченко Т. А.* Переводная Московская книжность XV–XVII вв.: На материалах митрополичьего и патриаршего скриптория. М.: Пашков Дом, 2009. 335 с.
- 20 *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 584 с.
- 21 *Куприянов В. В., Татевосянц Г. О.* Отечественная анатомия на этапах истории. М.: Медицина, 1981. 320 с.
- 22 *Лебединская А.* Первая военно-медицинская школа на Руси (середина XVII в.) // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 97–101.
- 23 *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб.: Тип. Имп. АН, 1891. 138 с.
- 24 *Малахова А. С., Малахов С. Н.* Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – нач. XVII в.). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 298 с.
- 25 *Малкова Н. А.* Служение женщины в житиях святых жен Руси // Вестник РХГА. 2009. Т. 10. № 1. С. 107–114.
- 26 *Марчукова С. М.* Медицина в зеркале истории. СПб.: Европейский Дом, 2003. 272 с.
- 27 *Медведь А. Н.* Антропология болезни в Древней Руси (X–XVII вв.). Очерки истории. М.: Изд-во МБА, 2014. 232 с.
- 28 *Мильков В. В.* Древнерусское монашество и его отношение к недугам // Вестник славянских культур. 2015. № 2 (36). С. 13–28.
- 29 *Мирский М. Б.* Медицина в России XVI–XIX веков. М.: РОССПЭН, 1996. 376 с.
- 30 *Михель Д. В.* Болезнь и всемирная история: учеб. пособие для студ. и асп. Саратов: Научная книга, 2009. 196 с.
- 31 *Оборин Н. А.* Выдающееся событие в истории отечественной медицины (К 300-летию перевода на русский язык «De humani corporis fabrica» Андрея Везалия) // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1959. Т. XXXVI. № 5. С. 100–104.
- 32 *Одесский М. П.* «Человек болеющий» в древнерусской литературе // Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 147–184.
- 33 *Постников А. Б.* Иноческое житие и благотворительная деятельность А. Л. Ордина-Нащокина в Пскове в 1670-х гг. // Псков. 2010. № 32. С. 78–127.
- 34 *Сальникова Е. В.* Анатомический театр в контексте истории носителей визуальной информации // NB: Культуры и искусства. 2012. № 1. С. 65–101.
- 35 *Севастьянова С. К.* Концепт «болезнь» и концепция болезни в сборнике «Великое Зерцало» // Вестник ТГУ. 2017. № 425. С. 32–49.
- 36 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1976. Вып. 3. 291 с.; 1981. Вып. 8. 355 с.

- 37 Сорокина Т. С. История медицины: учебник для студ. мед. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 560 с.
- 38 Чумакова Т. В. Медицина в средневековой Руси // Диалог со временем. 2004. Вып. 13. С. 272–285.

***

© 2018. Svetlana K. Sevastyanova
Novosibirsk, Russian Federation

“MAN AND DISEASE” TOPIC
IN “THE GREAT MIRROR” COLLECTION

Abstract: The thematic, plot and motivic component of the Western European collection “The Great Mirror”, translated from Polish into Russian at the end of the 17th century, still awaits its proper study. The theme of “man and disease” is the main or cross-cutting for the collection. As reveals analysis of its contents that personal sin according to the Christian etiology is the main cause of the disease. Hence a diseased man and his unhealthy state are perceived by others ambiguously. The former at the same time no longer belongs to the circle of healthy people and needs care and tolerance. The term “doctor” in the Russian “The Great Mirror” is collective and means a person who provides gratuitous assistance to those in need. The collection also includes stories about professional medical treatment. The topic “man and disease” appears in “The Great Mirror” as an integral part of the daily life of medieval society in social, conceptual and cultural dimensions. Therefore, at the end of the 17th century, and thus in the period of establishing of the national medical culture, the transformation, regulation and development of medical knowledge, the formation of the state system of medicine, this issue became particularly relevant. The medical topic with descriptions of the condition of a diseased man, ways of treatment, a list of diseases and traumas, the methods of treatment and diagnostics were the main attractions for the translators. The medical orientation of the Russian “Great Mirror”, “decorated” with anatomical motifs, caught the attention of readers both by its cognitive-entertaining and cultural-historical aspects, with rich manuscript tradition of the collection and a huge number of its lists providing a sound evidence of it.

Keywords: collection “The Great Mirror”, the theme “man and disease”, diseased man, human physician, diseases and traumas, methods of medieval diagnosis and treatment, development of medicine.

Information about author: Svetlana K. Sevastyanova — DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia; chief researcher, Rubtsov Industrial Institute of the I. I. Polzunov Altai State Technical University, Traktornaia St., 2/6, 658207 Rubtsovsk, Rossiia. E-mail: sevask@mail.ru

Received: February 19, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Sevastyanova S. K. “Man and disease” topic in “Great mirror” collection. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 119–135. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *The Cambridge World History of Human Disease*, ed. by Kenneth F. Kiple. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2008. 1203 p. (In English)
- 2 Anuchin D. N. Amulet iz chelovecheskoj kosti i trepanacija cherepov v drevnie vremena v Rossii [Amulets of human bone and trepanation of skulls in ancient times in Russia]. *Trudy IX Arheologicheskogo s'ezda v Vil'ne, 1893* [Proceedings of the 9 Archaeological Congress in Vilnius, 1893]. Moscow, Tipografija E. Lisnera i Ju. Romana Publ., 1895, vol. 1, pp. 283–297. (In Russian)
- 3 Arnautova Ju. E. *Kolduny i svjatyje: Antropologija bolezni v srednie veka* [Sorcerers and Saints: Anthropology of Disease in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aletejja Publ., 2004. 398 p. (In Russian)
- 4 Balalykin D. A., Berger E. E., Borodulin V. I. Medicina XVI veka: Mify istoriografii i zarozhdenie nauki. Chast' II [Medicine of the 16th century: Myths of historiography and the origin of science. Part 2]. *Glavnyj vrach: Hozjajstvo i pravo*, 2013, no 5, pp. 47–51. (In Russian)
- 5 *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of the Ancient Rus' literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 1, pp. 62–315 (Povest' vremennyh let [The Tale of bygone years]); 1997, vol. 4, pp. 296–489 (Kievo-Pecherskij paterik [Kyiv-Pechersk Paterik]); 1999, vol. 7, pp. 318–347 (Severnorusskij letopisnyj svod 1472 goda [Northern Russian chronicle of 1472]). (In Russian)
- 6 Bidloo N. *Nastavlenie dlja izuchajushchih hirurgiju v anatomicheskom teatre* [Manual for studying surgery in the anatomical theater]. Moscow, Medicina Publ., 1979. 591 p. (In Russian)
- 7 Bogojavlenskij N. A. *Drevnerusskoe vrachevanie v XI–XVII vv. Istochniki dlja izuchenija russkoj mediciny* [Old Russian medicine in the 11th–17th centuries. Sources for studying Russian medicine]. Moscow, Medgiz Publ., 1960. 326 p. (In Russian)
- 8 Buzhilova A. P. *Homo sapiens: Istorija bolezni* [Homo sapiens: Disease history]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2005. 320 p. (In Russian)
- 9 Vezalij A. *Jepitome. Izvlechenie iz svoih knig o stroenii chelovecheskogo tela* [The Epitome. Extract from his books on the structure of human body], trans. from Latin and notes N. Sokolova. Moscow, Medicina Publ., 1974. 104 p. (In Russian)
- 10 Vinogradov V. V. Naturalisticheskij grotesk: (Sjuzhet i kompozicija povesti Gogolja “Nos”) [Naturalistic grotesque: (The plot and composition of the Gogol's story “The Nose”)]. Vinogradov V. V. *Pojetika russkoj literatury: Izbrannye trudy* [Poetics of Russian Literature: Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 5–44. (In Russian)
- 11 Vladimirov V. P. *“Velikoe Zercalo” (Iz istorii russkoj perevodnoj literatury XVII veka)* [“The Great Mirror” (From the history of Russian translated literature of the 17th century)]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo OJDR Publ., 1884. 276 p. (In Russian)
- 12 Gerasimova I. A., Mil'kov V. V. Medicinskaja tematika v knizhnosti Drevnej Rusi [Medical subjects in the literature of Ancient Rus']. *Psichologija i Psihotehnika*, 2016, no 2 (89), pp. 179–191. (In Russian)
- 13 Grickevich V. P. *S fakelom Gippokrata: Iz istorii belorusskoj mediciny* [With the torch of Hippocrates: From the history of Belarusian medicine]. Moscow, Nauka i tehnika Publ., 1987. 271 p. (In Russian)
- 14 Guljaeva E. Sh. *Razvitie drevnerusskoj medicinskoj kul'tury* [The development of ancient Russian medical culture]. Abstract of dissertation candidate of History. Volgograd, 2006. 26 p. (In Russian)

- 15 Derzhavina O. A. *“Velikoe zercalo” i ego sud'ba na russkoj pochve* [“The Great Mirror” and its fate on Russian ground]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 437 p. (In Russian)
- 16 *Domostroj* [Household book], compilation, introductory article, translation and comments V. V. Kolesov; preparation of texts V. V. Rozhdestvenskaya, V. V. Kolesova, M. V. Pimenova. Moscow, Sovetskaja Rossiia Publ., 1990. 304 p. (In Russian)
- 17 Zmeev L. F. *Russkie vrachebniki. Issledovanie v oblasti nashej drevnej vrachebnoj pis'mennosti* [Russian doctors. Research in the field of our ancient medical writing]. St. Petersburg, Tipografiia V. F. Demakov Publ., 1895. PDP. Vol. 62. 274 p. (In Russian)
- 18 Zotova E. V. Reformy Petra I v oblasti mediciny i farmacii [Reforms of Peter I in the field of medicine and pharmacy]. *Bjulleten' medicinskih Internet-konferencij*, 2014. Vol. 4. no 11. p. 1145. (In Russian)
- 19 Isachenko T. A. *Perevodnaja Moskovskaja knizhnost' XV–XVII vv.: Na materialah mitropolich'ego i patriarshego skriptorija* [Translated Moscow booklore of 15th–17th centuries: based on the materials of the Metropolitan and Patriarchal Scriptorium]. Moscow, Pashkov Dom Publ., 2009. 335 p. (In Russian)
- 20 Korogodina M. V. *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: Issledovanie i teksty* [Confession in Russia in the 14th–19th centuries: Research and texts]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2006. 584 p. (In Russian)
- 21 Kuprijanov V. V., Tatevosjanc G. O. *Otechestvennaja anatomija na jetapah istorii* [National anatomy at different stages of history]. Moscow, Medicina Publ., 1981. 320 p. (In Russian)
- 22 Lebedinskaja A. Pervaja voenno-meditsinskaja shkola na Rusi (seredina XVII v.) [The first military medical school in Russia (mid-17th century)]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 1941, no 3, pp. 97–101. (In Russian)
- 23 Majkov L. N. *Rasskazy Nartova o Petre Velikom* [Nartov's stories about Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi AN, 1891. 138 p. (In Russian)
- 24 Malahova A. S., Malahov S. N. *Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoj zhizni cheloveka Drevnej Rusi (XI – nach. XVII v.)* [Phenomenon of disease in the consciousness and everyday life of a man of Ancient Rus' (11th – early 17th century)]. Armavir, Dizajn-studija B Publ., 2014. 298 p. (In Russian)
- 25 Malkova N. A. Sluzhenie zhenshhiny v zhitijah svjatyh zhen Rusi [Service of the woman in lives of the holy wives of Rus']. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2009, vol. 10, no 1, pp. 107–114. (In Russian)
- 26 Marchukova S. M. *Medicina v zerkale istorii* [Medicine in the mirror of history]. St. Petersburg, Evropejskij Dom Publ., 2003. 272 p. (In Russian)
- 27 Medved' A. N. *Antropologija bolezni v Drevnej Rusi (X–XVII vv.). Oчерki istorii* [Anthropology of the disease in Ancient Rus' (10th–17th centuries). Essays on history]. Moscow, Izdatel'stvo MBA Publ., 2014. 232 p. (In Russian)
- 28 Mil'kov V. V. Drevnerusskoe monashestvo i ego otnoshenie k nedugam [Old Russian monasticism and its relation to illnesses]. *Vestnik slavjanskih kul'tur*, 2015, no 2 (36), pp. 13–28. (In Russian)
- 29 Mirskij M. B. *Medicina v Rossii XVI–XIX vekov* [Medicine in Russia 16th–19th centuries]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 1996. 376 p. (In Russian)
- 30 Mihel' D. V. *Bolezn' i vseмирnaja istorija: ucheb. posob. dlja studentov i aspirantov* [Disease and world history: a textbook for students and graduate students]. Saratov, Nauchnaja kniga Publ., 2009. 196 p. (In Russian)

- 31 Oborin N. A. Vydajushheesja sobytie v istorii otechestvennoj mediciny (K 300-letiju perevoda na russkij jazyk "De humani corporis fabrica" Andreja Vezalija) [An outstanding event in the history of Russian medicine (On the 300th anniversary of the translation into Russian of the "De humani corporis fabrica" by Andrei Vesalia)]. *Arhiv anatomii, gistologii i jembriologii*, 1959, vol. 36, no 5, pp. 100–104. (In Russian)
- 32 Odesskij M. P. "Chelovek bolejšhij" v drevnerusskoj literature ["The sick Man" in Old Russian Literature]. *Četvertoe izmerenie literatury: Stat'i o pojetike* [The Fourth Dimension of Literature: Articles on Poetics]. Moscow, RGGU Publ., 2011, pp. 147–184. (In Russian)
- 33 Postnikov A. B. Inočasnoe zhitie i blagotvoritel'naja dejatel'nost' A. L. Ordina-Nashhokina v Pskove v 1670-h gg. [The monastic life and charity activities of A. L. Ordin-Nashchokin in Pskov in the 1670s]. *Pskov*, 2010, no 32, pp. 78–127. (In Russian)
- 34 Sal'nikova E. V. Anatomičeskij teatr v kontekste istorii nositelej vizual'noj informacii [Anatomical theater in the context of the history of visual information carrier]. *NB: Kul'tury i iskusstva*, 2012, no 1, pp. 65–101. (In Russian)
- 35 Sevast'janova S. K. Koncept "bolezn" i koncepcija bolezni v sbornike "Velikoe Zercalo" [The "disease" concept and disease conception in the collection "The Great Mirror"]. *Vestnik TGU*, 2017, no 425, pp 32–49. (In Russian)
- 36 *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Vol. 3. 291 p.; 1981. Vol. 8. 355 p. (In Russian)
- 37 Sorokina T. S. *Istorija mediciny: uchebnik dlja stud. med. vyssh. uceb. zavedenij* [History of medicine: textbook for students of medical higher education institutions]. Moscow, Akademija Publ., 2008. 560 p. (In Russian)
- 38 Chumakova T. V. Medicina v srednevekovoj Rusi [Medicine in medieval Russia]. *Dialog so vremenem*, 2004, vol. 13, pp. 272–285. (In Russian)